

«Суть плоды ума обширного...» очерк Константина Благосклонова о начале заповедного дела. 1978год.

Еще в древности появилась необходимость упорядочения природопользования. В нашей стране оно известно по крайней мере со времени «Русской правды» Ярослава Мудрого. Однако законы древних утверждали лишь преимущественное право феодалов на добывание тех или иных ценных животных.

В реформах Петра Первого значительное место было уделено многим вопросам охраны природы, причем в общегосударственных интересах. Поразительна широта кругозора царя, в его указах предусмотрена охрана лесов, зверей, птиц и рыбы, водных ресурсов, недр, даже городское озеленение не было забыто. Только проблем охраны почв и воздуха тогда еще не существовало.

Заповедного не тронь!

Заповедник — слово русское. «Заповедывать» или «заповедать» — повелевать, предписывать, наказывать к неременному, всегдашнему исполнению. Заповедать лес, запретить в нем рубку; это делается торжественно, священник с образами или даже с хоругвями обходит его при народе и старшинах, поют «Слава в вышних» и запрещают въезд на известное число лет. Заповедник — заповедный лес, роща, где рубка заповедана, запрещена. «Заповеданного не трогать. Чур, заповедано. Помни праотцев: заповедного не тронь!» (В. Даль).

Вот что такое заповедание: запрет, к тому же самый строгий, «к неременному, всегдашнему исполнению».

Понятие заповедности существовало до Петра, по крайней мере, со времени Алексея Михайловича, так как именно он объявил государевой заповедью Семь островов в

Баренцевом море (ныне часть Кандалакшского государственного заповедника), чтобы сохранить гнездовья соколов и кречетов. Добывать птенцов здесь разрешалось только особым «кречатый помытчикам», целовавшим крест в том, что все добытые птицы будут доставлены царю. В современном нашем понимании такая форма охраны территории может быть названа заказником.

Первые заповедники, в которых охранялась территория, самый лес, были созданы Петром. Заповедных лесов было много по Волге, ниже устья Оки, и штрафы за порубку деревьев в них были в 2—3 раза выше, чем в других местах. Будучи в Казани, царь сам осматривал здешние места и учредил казанского вице-губернатора главным над ними (1722 г.).

Петр заповедовал не только леса, рощи, но и отдельные виды деревьев: дуб, ильм, вяз, карагач, лиственницу. Эти деревья не разрешалось рубить в полосе на 50 верст от больших рек и на 25 от малых.

В инструкции «О хранении заповедных лесов» (1722 г.) сказано, что за каждый незаконно срубленный Дуб нужно брать штраф 15 рублей, «а за многую заповедных лесов посечку... присылать на каторгу».

Большая часть населения того времени была неграмотна. Поэтому «дабы впредь неведением указов никто не отговаривался», Петр Первый повелел «читать оный Указ в церквах все воскресные дни приходским людям». А в селах и деревнях, около которых находятся заповедные леса, «поставить столбы высокие, прибить к ним копии указа о наказаниях за посечку в лесах заповедных», и так прибить, «чтобы водою от дождя и зимою от снега оные листы не тратились».

...А лишнего не рубить

В природоохранных указах Петра, как проведенных через сенат, так и именных, то есть составленных и подписанных царем единолично, более всего говорится о лесе. Нередко считают, что царь-плотник заботился о русских лесах исключительно как кораблестроитель. Действительно, на постройку одного корабля шло до 4000 дубов. Известно, что из всех стран Европы запасы леса были подорваны раньше всего и сильнее всего в Испании. Такова цена морского могущества страны, длившегося почти до конца XVI столетия. Только «Непобедимая Армада» обошлась Испании в полмиллиона отборных дубов. И до настоящего времени эта страна, ставшая полупустынной, прилагает усилия для восстановления своего разрушенного лесного хозяйства.

Но Петру, по всей видимости, было понятно и водоохранное значение леса. Ко времени путешествия царя по Европе здесь уже была вырублена большая часть лесов, особенно вдоль рек, и последствия этого были видны. Во всяком случае, Петр постоянно уделял внимание сохранности приречных лесов независимо от того, были они пригодны к корабельному делу или нет. Вот, например, одно из указаний такого рода: «От Санкт-Петербурга до реки Славянки по обе стороны Невы реки лесов не рубить... уступя от берегов по тысяче сажен» (1719 г.).

Удивителен и режим экономии леса «по мелочам», который Петр проводил неуклонно. Его указы требовали использовать древесину и, где возможно, более ценную заменять менее ценной. Можно подумать, что лесов в то время совсем не оставалось на Руси, но, конечно, их

тогда было предостаточно. Царь сильно ограничил отпуск леса за границу. Для полного, так сказать, комплексного использования древесины была объявлена государственная монополия на поташ и смолу, а добывать их было приказано из лесосечных отходов.

Несколько раз подтверждалось (1715 г., 1718 г.), «чтобы на дрова и на угольное жжение лес рубить сосновый и еловый, который сухой, и кривили, и валежник, и который на корабельное и на всякое судовое и хоромное строение не годен». «А для рубки на полозья, на оси и на колеса и на обручи, и на другие нужды велеть рубить из негодного дуба».

Царь запретил делать тес по-старому. Раньше бревно раскалывали клиньями пополам и из каждой половины топором вытесывали по одной доске, большая часть древесины при этом превращалась в щепу. Приказано было доски только пилить.

Над лесами смотрение и бережение иметь

Значение леса в хозяйстве страны было столь большим, что Петр учредил при Адмиралтейской коллегии Вальдмейстерскую канцелярию (1722 г.). Впервые была создана самостоятельная система управления лесным хозяйством, прообраз министерства. Канцелярию возглавлял обер-вальдмейстер, у него в подчинении были вальдмейстеры, которые ведали заповедными лесами по Волге, Оке, Днепру и другим рекам. У каждого в подчинении был штат унтер-вальдмейстеров. Низшие чины были надсмотрщиками или надзирателями. Особым указом оговаривалось: «где находят корабельные леса, в тех местах определить надзирателей» (1722 г.). Всем должностным лицам этой системы были предоставлены большие права, например, по взиманию штрафа, но зато сами они, уличенные в укрывательстве нарушителей или в других злоупотреблениях, наказываются жестоко: вырыванием ноздрей и ссылкой на каторгу.

Мало считаясь с интересами дворянства, Петр подписал «кошунственный» указ, запрещающий под угрозой наказания помещикам на собственной их земле рубить дубовый лес без позволения чиновника Вальдмейстерской канцелярии. Это уже было посягательство на собственность помещиков и вызвало недовольства среди них.

Была составлена инструкция о порядке рубки лесов. Все они разделялись на заповедные и незаповедные, рубки разрешались только в лесах второй категории. Петр в свое время сам выделил заводчикам в собственность леса как резерв топлива. Теперь было велено разделить все эти леса на 25—30 лесосек и в год вырубать не более одной. Лесную вырубку запрещалось переводить в другой вид уголья, запахивать под поле или застраивать. Нужно было запускать ее лесной порослью и «того молодого леса ни на какие нужды не давать, а беречь, пока в годность придет».

Петр сам следил за исполнением своих указаний, он писал в Нижний Новгород в 1716 году указание о сыске: «Преслушникам указа учини жестокое наказание и разорение отнятием всего их имения, а потом подтверди указами с жестоким штрафом, чтобы леса дубовые берегли, не рубили и не посушивали».

Чтобы леса дубовые и прочие не были весьма искоренены

Русский царь навел некоторый порядок в лесопользовании, однако самый факт проявления такой заботы говорил о том, что запасы леса уже тогда не казались ему безграничными. Лес

нужно было сажать, Петр не только писал об этом в указах, но и собственноручно посадил немало деревьев. Первая дубовая роща была заложена им еще в конце XVII века близ Таганрога, а незадолго до смерти, в 1723 году, он заботился о посадке леса в Астрахани.

В 1709 году по указанию Петра к заповедным корабельным дубравам был отнесен Шипов лес в Воронежской области, около 30 процентов его и сейчас составляют дубы (современная площадь — 32 тысячи гектаров). Предполагается, что самое название леса произошло от английского ship — корабль, то есть это был именно корабельный лес. Есть основания считать, что и здесь русский царь приложил руки к посадке дубов.

Занимался Петр и городскими насаждениями, так сказать, озеленением городов. При нем, по-видимому, при непосредственном его участии были заложены первые общественные парки в Москве и Санкт-Петербурге. Весной 1712 года царь собственноручно высевал дубовые желуди в окрестностях Петербурга. В 1717 году он предполагал сажать буки в окрестностях новой своей столицы.

«16 июля отправился Петр в море со всем флотом. 19 прибыл в Ревель. 22 Петр положил основу загородному саду в Ревеле». Так А. С. Пушкин записал в «Истории Петра» об этих днях 1718 года.

Для охраны городских насаждений специальным указом запрещалась пастьба скота без пастуха, «понеже оная скотина, ходя по улицам и прочим местам, портит дороги и деревья; а ежели тот скот по-прежнему будет по улицам и в других местах ходить без пастухов и за тот оный скот взят будет безденежно в гошпиталь».

Звероловста, где заказано, были б хранены

Еще при Иване Грозном шурин царя Никита Романов провел некоторые устройства для царских охот близ села Измайлова, с этого времени, по-видимому, возникло и название — Измайловский зверинец. Именно здесь Петр предполагал разводить тутовые деревья и шелкопрядов, сюда были выпущены пойманные на Кавказе и в других местах различные звери. С 1700 года был установлен заповедный режим Измайловского леса, а когда Петр узнал, что там действовали браконьеры, истребляя плоды его трудов, он разразился указом (18 апреля 1708 года). «Ныне ведомо великому Государю учинилось, что по тех Измайловских лугах, по рекам и по прудам и по озерам ездят всяких чинов люди со птицами (ловчими. — К. Б.) и с пищалями, птиц ловят и из пищалей по ним стреляют...» Управителю села Измайловского воеводе Афросимову было приказано «тех людей, которые изловлены будут», доставлять в Преображенский приказ. За незаконную охоту с людей высших чинов взыскивали по 100 рублей, а нижним чинам грозило наказание «жестокое без всякия пощады» и «ссылка в Азов с женами и детьми на вечное житье».

Петр Первый не был охотником, как его отец Алексей Михайлович. А. С. Пушкин приписывает даже юному Петру такие слова: «Знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское». Тем не менее в охотах Петр участвовал и, без сомнения, по-хозяйски интересовался пушными, дичными и рыбными промыслами России.

Из летописей известно, что в 1552 году в Московском государстве было множество лосей. В этот год, когда юный Иван IV шел на Казань, лоси, по словам летописца, «яко самозвани на заколение прихождаху». Огромное русское войско имело достаточно мяса. Через три

столетия, в 1843 году, крупнейший русский зоолог того времени профессор Московского университета К. Ф. Рулье в речи, посвященной животному миру Московской Губернии, заявил, что лосей в ней не осталось совершенно. Когда же началось уменьшение численности? По-видимому, при Петре оно уже имело место, если царь счел нужным запретить отстрел лосей в Санкт-Петербургской губернии (1714 г.). Это был первый запрет добывания лосей, и хотя в послепетровское время запреты объявлялись несколько раз, лоси в центральных губерниях страны практически не сохранились. Перелом наступил только в 1919 году, когда декретом Советского правительства, подписанным В. И. Лениным, лоси были взяты под охрану закона. Сейчас лосей стало много, в некоторых местах значительно больше, чем было во времена Ивана Грозного.

Другой зверь, требовавший защиты, был бобр. Особенно быстрое истребление бобров началось в XVII веке, когда был изобретен стальной капкан. Еще дед Петра, царь Михаил Федорович, посылал грамоту в «Пермь великую» воеводе, «чтобы всякие люди по ловлям бобров и выдр капканами не ловили и не побивали, а ловили б бобры и выдры по-прежнему без капканов». Перепромысел резко сократил численность и область распространения бобров. Так как шкуры и «пух» для изготовления лучшего фетра шли за границу, царь, не имея возможности контролировать сам промысел, поставил преграду в другом месте. Это был указ 1701 года «О неотпуске за моря бобрового пуху». Вывоз товаров за границу можно было строго контролировать.

Молодую рыбу выловят, то и не ис чего и большой быть

Во времена Петра I появились первые высказывания в печати о необходимости охраны природы. Русский экономист и публицист Иван Тихонович Посошков написал для Петра I «Книгу о скудости и богатстве» с предложением многих государственных реформ (1724 г.). Говорилось в ней о необходимости принятия мер по охране лесов и рыбных богатств: «Ныне многие жалуются на рыбу, глаголя, «плох де лов стал быть рыбе». А отчего плох стал, того не вразумляют, ни того, чего много стал быть плох лов, токмо от того, что молодую рыбу выловят, то и не ис чего и большой быть». «Книга о скудости и богатстве» дважды переиздавалась в советское время.

«Устав о рыбной ловле» 1704 года сильно ограничивал рыболовство на внутренних водоемах страны, запрещал некоторые истребительные способы лова, ограничивал сроки.

Один из самых истребительных способов лова рыбы — сооружение заколов — перегораживание реки забором с вершей, в которую попадала вся рыба, шедшая весной метать икру вверх по течению. Хищнический лов — на перетяжку с крючками без наживки (также «поддѣв»), при котором много рыбы уходило раненой. С браконьерами такого рода указ предписывал справляться самыми суровыми способами.

Петру же мы обязаны введением в России добычи китов. В 1723 году была учреждена компания китового промысла. Петр выделил для нее 5 кораблей в Архангельске и выписал из Голландии мастеров-китобоев.

К началу XVIII века пришел в упадок промысел русского жемчуга: речной моллюск — жемчужница — был выловлен во многих северных реках, и это послужило причиной появления петровского указа 1721 года, который сильно ограничивал, а местами запрещал промысел. Однако спасти жемчужницу не удалось, моллюск уже исчез в большинстве рек.

Чтобы оные речки не засаривались

Забота царя о чистоте просто удивительна. Запрет рубки леса по берегам вполне понятен, но Петр запрещал возле рек и обрабатывать привозной лес, «чтобы от тех щеп и сору оные речки не засаривались».

Нева и другие реки столицы были предметом особой заботы царя. Сенатом в 1718 году было запрещено сбрасывать мусор в реки и каналы или оставлять его на льду. Но когда оказалось, что указ выполняется плохо, Петр в 1719 году заменил его новым, именованным, где, между прочим, говорилось: «Всяких чинов люди отнюдь никакого помету и сору на Неву и на другие реки из дворов своих вывозить не дерзали и в те реки не бросали, для того, что такими пометами те реки засариваются» и далее: «и за такую Его Царского Величества Именному указу противность, за вывоз и за метание в реки помету и мусору высших персон служителям, а низшим самим учинено будет наказание, биты кнутом и сосланы будут на вечную каторжную работу». Инструкция для Москвы, почти дословно повторявшая петербургскую, была, однако, милостивее: тех, кто засоряет реки, здесь предполагалось только бить батогами.

В знаменитом «Морском регламенте Петра Первого», написанном им самим, много раз говорится о незагрязнении рек. Капитан над портом (была установлена такая должность) обязан был наблюдать, «чтобы баласту или какого сора не бросали».

Чистоту в порту надлежало соблюдать при всех видах работ. От каменщиков требовалось, «чтоб никакой щебень не попал в воду, но на подмости, с которых как возможно счищать щебень и относить на берег в удобное место под штрафом пятьдесят рублей». Когда у кораблей была плотничья работа, нужно было делать так, «чтобы щепы в воду не падали, но на плоты или подмости, и иметь сетки на шестах, которыми щепы с воды снимать, а зимой со льда счищать и свозить во все дни в удобное место».

По мнению Петра, важно «иметь чистоту на верфи и прочее, что к доброй экономии надлежит». Была учреждена даже должность профоса, наблюдавшего за чистотой.

Суть плоды ума обширного

Изучение природы страны сделало громадные успехи при Петре. За год до смерти он занялся планом работы Академии наук. Он сносился по делам академии с крупными европейскими учеными, переписывался с великим математиком и философом Лейбницем. Перед академией главной задачей было поставлено исследование России. К 1709 году впервые изданы российская генеральная карта и ряд карт «окольных» Архангельска, Астрахани, Азова и других городов. В 1724 году Петр повелевает описать Балтийское море, хотя уже было составлено 14 хороших для того времени карт Балтики. Началось детальное исследование Сибири, причем сразу же по обнаружении каких-либо нужных природных ресурсов Петр стремился использовать их. Как только грек А. Левендиад нашел в Сибири серебряную руду, так и пожалована ему была царская грамота на завод (1710 г.). Так же было с постройкой заводов Никитой Демидовым.

Петру не чужды были интересы просвещения в области природоведения. Он открыл в Петербурге первый русский естественноисторический музей — Кунсткамеру.

Однако при всей прогрессивности петровских указов и дел многие из них справедливо названы А. С. Пушкиным «тиранскими». Великий поэт подчеркивал двойственность действий Петра: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика». Конечно, идеи охраны природы в указах Петра — для вечности, этого никак нельзя сказать о той жестокости, с которой они внедрялись в жизнь.

Во многих своих делах Петр не был понят ни современниками, ни потомками. Это, во всяком случае, относится к его заботам о сохранении природных богатств страны.

На постаменте знаменитого Медного всадника в Ленинграде высечено: Петру Первому Екатерина Вторая.

Это лицемерная почтительность. Никто из восприемников Петра не сделал так много, чтобы перечеркнуть его деятельность, как эта дворянская царица. Например, лесной вопрос императрица разрешила так: помещикам предоставлено было право рубить лес «как угодно их милости». Без контроля, без ограничений. В указе «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие» так и сказано: «Все леса, растущие в дачах помещичьих... оставить в полную их волю, хотя бы оные до сего и заповедными признаваемы... были. Позволяем каждому как внутри государства... всякие деревья продавать, так и вне государства оные выпускать».

Уже в последующем году в Адмиралтейскую коллегию поступило сообщение о том, что рубят дубы, к тому же не только в помещичьих дачах. Екатерининский указ был сигналом к сплошному уничтожению лесов в европейской части страны.

Двести лет потребовалось Русскому государству, чтобы охрана природы, начатая Петром Первым, вновь приобрела значение государственного дела, но уже не через «именные» указы самодержца, а через демократические декреты Советского правительства.

Ф

р

а

г

м

е

н

т

и

з

к

н

и

г

и